

Всеобщая подстановка А.Богданова в трактовке современной теории познания

В «Эмпириомонизме» - оригинальном философском учении А.Богданова, чисто философской его частью, не поддающейся практической проверке, является учение о "непосредственных комплексах" и их связи с нашим опытом, - субъективным или "индивидуально организованным (психика) или опытом объективным или социально-организованным (социальная практика). В завершённом синтезе «социально организованного опыта», по мнению Богданова, теряет свой смысл и само противопоставление "физического" и "психического". Опыт, организованный индивидуально, входит в систему опыта организованного социально, как его нераздельная часть и перестает составлять особый мир для познания. Взаимодействие между различными психиками, общение между людьми осуществляется, по Богданову, посредством "всеобщей подстановки", т.е. посредством подстановки психических комплексов, известных нам из личного опыта, под те физические изменения, которые мы непосредственно наблюдаем у других людей. Отрицая, таким образом, непосредственное восприятие данным индивидуальным сознанием переживаний других сознательных существ, эмпириомонизм, тем не менее, не вырывает между отдельными сознаниями той пропасти, какая постулируется идеалистической философией со времен монадологии Лейбница. По Богданову, познание чужой психики является хотя и опосредствованным, но вместе с тем совершенно реальным взаимодействием и тем точнее воспроизводит свой объект, чем ближе по своей организации воспринимающая психика к воспринимаемой. При полном тождестве организации имело бы место вполне адекватное познание чужих переживаний. Понятие «подстановка» в философии живого опыта Богданова всегда оставалась крайне уязвимой для критики. Физические изменения и переживания у разных людей, даже обсуждающих одну и ту же тему могут быть разными, и здесь кроется опасность допустить ошибку в трактовке своего понимания другого человека. Тем самым ставится под вопрос и необходимость в самой подстановке. Понимая это, Богданов сам ставил проблемные вопросы и пытался их разъяснить. Например, он писал: «...общение людей, которое служит основой форм опыта, предполагает, по – видимому, какую-то своеобразную двойственность живых комплексов. Именно, к физическим телам – организмам с их движениями и звуками – мы присоединяем непосредственно нам недоступные переживания этих существ, их восприятия, чувства, представления и т.д.». Двойственность в познании, на самом деле, существует и подчиняется определенной логике, учитывающей особенности этого присоединения. Эта неустранимая двойственность в познании не является дуализмом, так как граница между самореференцией (высказывании внутри формы) и инореференцией (вовне формы) не является абсолютной, а всякий раз формируется при переходе от инореференции к самореференции и/или наоборот. Одна из современных трактовок этого вопроса опирается на понятие коммуникации. Понимание в

коммуникации, по Луману¹, есть «осознание» различий между сообщениями (внешней стороной формы) и тем, что из них отобрано (информацией – внутренней стороной формы). Для самой простой коммуникативной системы из двух человек это может выглядеть так: некто Сидоров в компании с Петровым заводит разговор о футболе. В этом сообщении актуализируется инореференция, поскольку темой служит внешняя общеизвестная реалия. Реферируя поступившее сообщение, Петров делает вывод и высказывает мнение, что он не интересуется футболом. Таким образом, из сообщения Сидорова Петров черпает информацию, отбрасывая то, что Сидоров, может быть, хотел сообщить, и именно это направило коммуникацию по новому пути. В коммуникативном вкладе Петрова реализовалась опция самореференция/инореференция. В сообщении Сидорова Петров мог выбрать первую опцию и продолжить тематизировать «футбол» (инореференция). Он же своим отказом актуализирует самореференцию, и *темой коммуникации становится характер протекания самой коммуникации*. Вместо вопроса о том, «что» говорят в коммуникации, релевантность получают вопросы о том, «зачем» это говорится. Осуществился переход границы формы. Как только зафиксировано это различие, произошло понимание (неважно, адекватное или нет) и, исходя из этого понимания, происходит следующее коммуникативное высказывание Сидорова или Петрова (предположим, об автомобилях). Петров «понял» коммуникацию, ибо «осознал» различие сообщения и почерпнутой в нем информации. При всем этом сознания, как Сидорова, так и Петрова остаются когнитивно недоступными внешними мирами коммуникации. Поэтому проверка своего коммуникативного понимания на достоверность (в данном случае – на его соответствие действительному потоку мыслей Сидорова) невозможна по определению, она остается коммуникативной реконструкцией сознания как внешнего мира коммуникации. Этот простой пример иллюстрирует, как происходит то, что Богданов называл социальной организованностью опыта: «обмениваясь бесчисленными высказываниями, люди непрерывно устраняют взаимные противоречия своего социального опыта, гармонизируют его, организуют его во всеобщие по значению, то есть объективные формы». В споре со своими противниками Богданов не мог апеллировать к неразвитым еще теориям или к эксперименту, и вынужден был ограничиться чисто логической аргументацией, - он доказывал, что его монистический реализм есть наиболее простая и познавательно целесообразная из всех мыслимых материалистических концепций. Эти воззрения Богданова всегда подвергались критике и только с появлением в 80-х годах прошлого века работ чилийских нейрофизиологов У. Матураны, Ф. Варелы², которые иногда называют "нейрофизиологический

---

¹ Луман Никлас (1928 – 2001) – известный немецкий социолог, автор многочисленных трудов по теории сложных социальных систем (см. например: Общество общества, Хозяйство общества, Эволюция общества и др.).

² Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.- 223 с.

вариантом эволюционной эпистемологии" становится ясным, как далеко смотрел мыслитель Богданов. Их позиция, подтвержденная нейрофизиологическими экспериментами, заключается в понимании жизни и познания как двух сторон одного и того же процесса. Живые системы — это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой процесс познания. Это утверждение действительно для всех организмов, как располагающих нервной системой, так и не располагающих ею. Нервная система не обрабатывает информацию из внешнего мира, но, наоборот, *творит некий мир* в процессе познания. Познание есть не отображение независимого, predeterminedного мира, но сотворение нового мира. Конкретным организмом в процессе его жизнедеятельности создается не мир вообще, а некий *конкретный* мир, всегда обусловленный структурой организма. Способы, которые мы используем для структурного сопряжения с окружающей средой, и, следовательно, мир, который мы творим, зависят от нашей собственной структуры. *Общение*, согласно Матуране, это не процесс передачи информации, а координация поведения живых организмов посредством их взаимного структурного сопряжения. Общение, в сущности, есть координация поведения. «Тот мир, который каждый из нас видит, — пишут Матурана и Варела, — не есть *определенный* мир, но *некий* мир, который мы создаем вместе с другими». Богданов понимал это еще в 1925 году, что подтверждается его словами: «Неустранимо то, что человек смотрит со своей точки зрения, оперирует своими методами. Но в каком смысле все это «свое» для него? Личность не более, как маленький центр приложения социальных сил, один из бесчисленных пунктов их перекреста. Ее точка зрения и способ понимания принадлежит ей в том только смысле, что в ней находят свое воплощение и выражение; было бы правильнее сказать, что личность принадлежит им, а не наоборот. И они могут быть объективны»³.

© Попков В.В

---

³ Воспоминания о детстве. 28 апреля 1925 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М.: ИЦ «АИРО—XX», 1995. С.23—32.